

земля, полученная в качестве пожертвований еще несколько лет назад и до сих пор не распределенная?» Однако не успел я, что называется, раскрыть рот, как Виноба, опережая меня, заявил, что готов ответить на мои вопросы, но не намерен вступать в дискуссию по каждому из них.

Я спросил затем, правильны ли сообщения газет, что, за исключением Теленган, в первые годы движения «бхудан» земельные дары поступали от самих крестьян, а не от помещиков (указывали, что помещики начали жертвовать землю только тогда, когда стали подпирать земельные реформы). Ответ Виноба был весьма уклончивым: «От тех и других».

После этого я попросил Виноба объяснить методы «грамдана». Эта новая форма движения — передача земли во владение всей деревней — заинтересовала меня больше всего, так как в отличие от «бхудана» объективно способствовала подрыву частной собственности на землю. Вместо ответа Виноба сказал секретарю, чтобы тот принес его брошюру «От бхудана к грамдану» (она только что вышла из печати) и подарил ее мне.

Хотелось мне расспросить Виноба о движении «сампаттидан» (денежных пожертвований для обеспечения крестьян-бедняков инвентарем, семенами и т. п.) и многом, многом другом, но беседа как-то не клеилась. Может быть, Виноба устал или был нездоров. Да мало ли что может быть. Поэтому я просил разрешения Виноба последовать за ним в его походе на следующий день, надеясь втайне, что, может, потом его настроение улучшится и мне удастся с ним поговорить. Услышав мою просьбу, Виноба заметно потеплел и дал согласие.

В тот же день состоялась объявленная конференция общества содействия распространению языка хинди.

На этот раз Виноба говорил о том, что земля дана богом так же, как воздух и вода, и никто не должен говорить, что она моя. Земельную проблему, как и все другие, он предлагал решать на основе любви, а не страха. Продолжалась речь около часа. Кончив говорить, Виноба спел стих молитвы, после чего предложил пять минут молча подумать. Воцарилось молчание.

После этого Виноба ушел, народ стал расходиться, но кое-кто задержался, беседуя между собой. Я подошел к ближайшей группе. Окружавшие сочувственно слушали изможденного крестьянина в набедренной повязке. Смысл того, что он с жаром говорил, перевел мне учитель из Нанда, оказавшийся рядом: «В его деревне пожертвован в «бхудан» один акр земли, а имеется 20 безземельных крестьян. Кому из них дать этот единственный акр?»

Поход начался на следующий день ровно в 4 часа. Вещи его участников незадолго до выхода были отправлены на грузовой автомашине, а имущество Виноба — на джипе. На обеих автомашинах — надпись большими белыми буквами по-английски «бхудан». Автомашины и микрофоны показывали, что Виноба не чурается техники.

Скоро начало светать. Через час остановились на привал и расселись на пригорке вблизи дороги. Виноба прочел молитву, а затем минут 15 читал вслух стихи из книжки поэта народа каннада Пурондара Даса. Как мне успел сообщить секретарь Виноба Гаруд Шарма, Виноба хорошо знает языки хинди, урду, маратхи, гуджарати, бенгали, телугу, малаялам, персидский, английский, немного — китайский и японский.

Мир — как он есть

550 фотографий Московской международной выставки художественной фотографии — это путешествие по странам мира. Здесь представлены работы из 55 стран.

Фотография — зеркало жизни. Должно быть, потому она так и волнует нас. И мы, перешагнув тысячекilометровые расстояния, своими глазами видим труд и быт, счастье и горе, любовь и смерть.

Яркие работы прислали фотохудожники Китая. Многие из них посвящены труду, культуре, быту. Золотой медалью отмечена фотография Люй Хоу-минь, запечатлевшая проводы китайских народных добровольцев, возвращающихся на родину из КНДР.

Вот фотография вьетнамца Тран Лоя «На работу». Серое небо, внизу узкая черная полоска земли, маленькие черные фигурки с кирками на плечах, кирки покачиваются черными мачтами на зыбком сером небе.

Вайсенштейн Шилок (Израиль) сфотографировал руки, тяжелые и морщинистые, грубые и нежные. Осторожно опускают они во влажную землю тонкий росток с упругими блестящими листьями. Руки плотно заполняют всю фотографию, и кажется, будто только и есть в мире, — заботливые мозолистые пальцы и упорный нежный росток...

Вот индонезийские «Аисты в полете» Тун Ким Ужера. Плавный ритм, изящество композиции, тонкость детали — все это славные традиции индонезийских панно и ширм, овеянные многовековой культурой.

Юнь Ду Лам (Камбоджа) прислал фотографию девочки, прикинувшей к материнской груди. Это похоже на фреску по подробной фактуре, по чистоте цвета, хотя это и черно-белая фотография. Но она передает насыщенный и яркий цвет оливковой кожи, блестящих бус, теплых теней...

Пен Сен-у (Сингапур) сделал интересную работу «Маляры» — в смелом неожиданном ракурсе. Вся фотография словно затянута полосатой решеткой жалюзи. Сквозь решетку пробиваются ровные полосы солнца. Там, по ту сторону света и тени, мелькают легкие человеческие силуэты, сильные, упругие силуэты рабочих.

И, конечно, прекрасны работы японцев. «Путешествие на край земли» Какава Жаму — это не просто фотография, это продолжение высокого мастерства японских художников. Упорно и напряженно продирается сквозь снег и ветер вереница людей. Черной, уходящей вдаль полосой врезаются они в белый снег. Эта фотография на уровне искусства Хокусаи, она сродни его точной, как выстрел, композиции, его безупречной четкой линии.

Выставка художественной фотографии — большое событие в культурной жизни Москвы. И особенно радует, что среди лучших работ, получивших золотые, серебряные и бронзовые медали, много фотографий из стран Востока. Это еще одно свидетельство того, что во всем — в политике и в искусстве, в науке и в культуре — голос Востока звучит все громче и увереннее.

И. УВАРОВА

Сэн Бэну (Индия). Мать.

Ким Чжон Гюн [КНДР].
Американские империалисты,
прочь с корейской земли!

Нго Си-йон [Сингапур].
Искусные руки.

В. Н. Бхат [Индия].
Отчаяние.

Когда тронулись дальше, я обратился к Виноба с просьбой продолжить нашу беседу. Он кивнул головой, и я пошел рядом. Виноба начал рассказывать, что поисками решения земельной проблемы он занимается с тех пор, как после расчленения Индии англичанами в 1947 году работал среди беженцев из отошедших к Пакистану районов. Особенно тяжелым было положение «неприкасаемых». Виноба удалось договориться с правительством провинции Пенджаб о наделении их небольшими участками земли. Но вскоре правительство отказалось от своего обещания. Можно представить себе настроение людей, когда у них отняли единственное, что они имели, — право надеяться! Они хотели выступить против правительства, но Виноба уговорил их не делать этого и пообещал, что найдет другой выход. Крестьянское восстание в Теленгане навело Виноба на идею «бхудана».

Следующий шаг был сделан в Уттар-Прадеше, где было собрано полмиллиона акров земли. Затем Виноба поставил своей задачей получить шестую часть обрабатываемых земель в Бихаре, чтобы наделить здесь всех безземельных. Это ему удалось. Число дарителей оказалось даже больше, чем он предполагал. Тогда-то Виноба начал в Ориссе движение «грамдан», стал убеждать людей, что частной собственности на землю не должно быть и тогда ее хватит на всех. «Это не я выдумал: так думали все великие мыслители прошлого. Ваш Толстой, — говорил мне Виноба, — более шестидесяти лет назад проповедовал, что собственность на землю аморальна». Одержимость Виноба своей идеей особенно чувствовалась, когда он сказал: «Если в каждой деревне поймут, что надо жить одной семьей, и каждый ее член будет думать о благе остальных, если все захотят жить и трудиться сообща, как пять пальцев на руке, воцарятся равенство и счастье. Такая деревня, а затем уезд, округ станут ячейками «сарводайа» — государства всеобщего благосостояния».

«А не быстрее и рациональнее было бы добиваться законодательства об установлении максимальных размеров земельного владения и распределения излишков среди безземельных?» — спросил я. Виноба ответил, что после того, как он соберет хотя бы половину намеченного количества земли, возможно, создастся благоприятная атмосфера для соответствующего законодательства. Он стал убеждать меня, что предложение индийских коммунистов о «потолке» земельных владений не может серьезно помочь решению проблемы и что начинать надо с революции в умах и сердцах людей, а не в социально-экономических отношениях.

Впереди показалась деревня Голахари — цель похода этого дня. Перед зеленой аркой — строй мальчиков и девочек по обеим сторонам дороги, а дальше — толпа крестьян, которых успел собрать один из секретарей Виноба — Вибаласвами, выезжавший вперед на джипе с громкоговорителем. Виноба произнес трехминутную речь о принципах «грамдана», закончив ее призывом к жителям деревни быть застрельщиками движения. Собравшиеся ответили троекратным возгласом: «Сант Виноба-джи ки джай!» (Да здравствует святой Виноба!).

Вибаласвами подготовил не только встречу Виноба, но и размещение и питание участников похода, а также бензин для автомашин — все это за счет деревни.

Распорядок дня был обычным. В 10 часов утра все собрались в комнате Виноба. Здесь, сидя на

подушке за низеньким столом, он читал вслух «Рамаяну». С 3 часов дня Виноба беседовал с представителями деревни, остальные участники похода занимались ручным прядением. В 5 часов началось общее собрание жителей деревни, на котором Виноба произнес речь, в общем похожую на речь в Тумкуре. Затем выступил один из крестьян, заявив, что его односельчане решили передать землю Виноба в качестве «грамдана». Здесь важно, как это было сказано: в каждом звуке речи так и слышалось: «Хуже, чем сейчас, наверное, не будет».

После собрания Виноба работал над предисловием к книге «Гита правачан» («Комментарии к Гите»), которая готовилась к изданию, а остальные занялись тем, чем: одни беседовали между собой, другие пораньше легли спать. Ко мне подошел Шарма — секретарь Виноба и от его имени предложил походить с ним несколько месяцев и помочь ему в изучении русского языка. К сожалению, пришлось отказаться, так как срок моей командировки уже истек.

В 3 часа ночи все поднялись на молитву и через час вышли в поход в следующую деревню — Малясандра. В остальном этот день, как две капли воды, походил на предыдущий.

В конце дня я пришел к Виноба попрощаться, поблагодарил его за беседы и приглашение, объяснив еще раз причину отказа. Виноба сказал, что он будет рад, если мне удастся вернуться к нему, и подарил на память свою брошюру «Сарводайа и коммунизм» с дарственной надписью.

Добираясь до ближайшей железнодорожной станции, я продолжал думать о Виноба и его движении. Совершенно ясно, что движение «бхудан» не может помочь разрешению аграрного вопроса в Индии. После завершения аграрных реформ по Индии, земельные пожертвования почти прекратились. К 31 декабря 1956 года Виноба собрал, по официальным данным, 4265 тысяч акров земли, к 30 ноября 1959 года ее стало всего 4410 тысяч акров. Земельные пожертвования не смогли сколько-нибудь заметно облегчить положение многих миллионов безземельных крестьян. К 30 ноября 1959 года была распределена лишь 841 тысяча акров. Объясняя причины этого, бихарская газета «Раштрвани» писала: «С начала движения «бхудан» в Бихаре прошло около полутора лет. В течение этого периода Виноба-джи обошел почти все округа. Было объявлено, что он получил 1,8 миллиона акров земли. Но она либо не является пахотной, либо пожертвована людьми, которые не имели на это законного права. Поэтому такая земля не может никоим образом помочь разрешению земельной проблемы».

Не получило развития и движение «грамдан»: к концу 1959 года деревень, в которых бы жители согласились с принципом владения землей всей деревней, было только 4565.

Именно бесперспективность «бхудана» явилась причиной изобретения «новых» форм движения: «сампаттидан», о котором уже упоминалось, «буддхидан» (пожертвование профессионального искусства и знаний), «шрамадан» (пожертвование труда), «дживандан» (пожертвование жизни; посвящение жизни).

«Бхудан», не разрешая земельной проблемы, тем не менее вселяет в крестьян иллюзии, что сбудутся их вековые чаяния о земле. Поэтому, независимо от добрых намерений самого Виноба, возглавляемое им движение отвлекает крестьян от действительных форм борьбы за землю.